

Евгений Клюев

ОТ ШНУРКОВ ДО СЕРДЕЧКА

Серия «Сто и одна сказка»

+6

Эта — уже третья по счету — книга сказок Евгения Клюева завершает серию под общим названием «Сто и одна сказка». Тех, кто уже путешествовал от мыльного пузыря до фантика и от клубка до праздничного марша, не удивит, разумеется, и новый маршрут — от шнурков до сердечка. Тем же, кому предстоит лишь первое путешествие в обществе Евгения Клюева, пункт отправления справедливо покажется незнакомым, однако в пункте назначения они уже будут чувствовать себя как дома. Так оно обычно и бывает: дети и взрослые легко осваиваются в этом универсуме, где всё наделено душой и даром речи. Не одно поколение маленьких читателей выросло на этих сказках: очередь за Вашими детьми и внуками, дорогой читатель.

Евгений Клюев

ОТ ШУРЖОВ

ДО СЕРДЕЧКА

Серьёзный договор между двумя шнурками был заключён однажды ночью, то есть именно тогда, когда в мире происходят особенно важные вещи. Правда, мало кому известно, что это за вещи, но в том, что они важные, не сомневается никто.

Шнуркам, значит, было известно такое дело — вот они и выбрали ночное время, чтобы заключить между собой договор. Какой именно договор — этого они в тот момент ещё не решили, зато твёрдо знали: договор непременно должен быть серьёзным — иначе и заключать его не стоит.

А ночь, кстати сказать, выдалась совершенно безлунная — стало быть, смело можно было рассчитывать на то, что договор останется в тайне.

— По-моему, эта ночь очень подходит для заключения договоров, — тихонько шепнул Правый Шнурок Левому.

— Согласен, — отозвался Левый Шнурок. — В такую ночь ничто и никто не мешает заключать договоры... Только вот какой, интересно, договор мы с Вами могли бы заключить?

— Любой! — со знанием дела заявил Правый Шнурок. — Какой нам нравится, такой и заключим: всё ведь от нас зависит.

Левый Шнурок от радости даже скрутился в спираль:

— Давайте же скорее заключать! Это, наверное, ужасно увлекательно!

И тогда Правый Шнурок неожиданно предложил:

— Пожалуй, нам лучше всего заключить договор о ненападении кого-нибудь на кого-нибудь: такие договоры

всегда заключают очень серьёзно.

Левый Шнурок сначала опешил, но потом идея ему понравилась. Он только спросил:

— А о ненападении кого на кого?.. Давайте заключим договор о ненападении никого на никого! Чтобы уж сразу...

— Глупо! — сказал Правый Шнурок. — Подобный договор не будет иметь силы. Договор должен касаться не всех вообще, а только некоторых. — Он подумал как мог основательно и признался: — Меня, например, страшно беспокоит, что в Африке тигры нападают на антилоп. По моему, этого нельзя больше терпеть.

— Нельзя! — воодушевился Левый Шнурок и смущённо добавил: — Правда, я не знаю, кто такие антилопы...

— Я тоже не знаю, но дело не в этом, — заверил его Правый. — Дело в том, что мое терпение лопнуло!

— И моё, разумеется, тоже лопнуло... уже сто лет назад! — поспешил присоединиться Левый Шнурок.

Тут и заключили договор о ненападении тигров на антилоп: Правый Шнурок подполз к Левому, и они благополучно скрепили договор узлом. А чтобы узел был покрепче, шнурки опять расползлись как можно дальше друг от друга и даже изо всех сил подёргались.

— Вот, — с удовлетворением произнёс Правый Шнурок. — Теперь наш договор нерушим.

— Значит, отныне тигры в Африке не будут нападать на антилоп? — Левый Шнурок выглядел очень возбуждённым.

— Не будут, — подтвердил Правый и торжественно добавил: — С этой ночи мы с Вами можем спать совершенно спокойно.

В ответ на его слова очень возбуждённый Левый Шнурок сразу взял себя в руки и совершенно спокойно уснул. Ему снились тигры, целующие антилоп в губы.

...Однако наутро надо было надевать ботинки. Сделать же это оказалось невозможно.

— Вас невозможно надеть! — так прямо и сказали ботинкам. И в никуда добавили: — Тут не обойтись без посторонней помощи.

Посторонняя Помощь не замедлила явиться. Ей было пять лет, и у неё было два белых банта во всю голову. Она посмотрела на ботинки и протянула:

— Тааак...

А больше ничего не сказала и принялась развязывать узел. Шнурки лохматились, но не поддавались.

— Вы что, шнурки, с ума сошли? — поинтересовалась Посторонняя Помощь и пригрозила: — Я же вас сейчас разрежу! Ножницами.

— Это будет совершенно безрассудный шаг с Вашей стороны, — отозвался Левый Шнурок. — Потому что тогда бедным антилопам — конец.

— Кому конец? — опешила Посторонняя Помощь.

— Бедным антилопам, — вздохнули оба шнурка.

— А кто такой «беднымантилопам»? — Посторонняя Помощь подозрительно сморщила носик и достала из кармана немислимо большой носовой платок.

— Мы не знаем, — ответили шнурки. — Но знаем, что антилопы живут в Африке и на них нападают тигры. И мы заключили серьёзный договор о ненападении тигров на антилоп, скрепив его узлом. Если Вы разрежете этот узел, наш договор будет расторгнут — и тогда тигры уничтожат всех антилоп в Африке.

— Насмерть уничтожат? — деловито уточнила Посторонняя Помощь, охотно поднося платок к сморщенному носику.

— Насмерть.

Тут-то и раздался оглушительный рёв Посторонней Помощи. На рёв сбежалась Вся Семья.

И Вся Семья постановила: данные ботинки больше не носить никогда, а срочно купить другие. И запретить кому бы то ни было прикасаться к шнуркам — иначе тигры в Африке насмерть уничтожат всех антилоп.

Посторонняя Помощь давно выросла, но ботинки так и стоят на почётном месте со связанными шнурками. Может быть, по этой причине тигры в Африке (если они там, конечно, есть) действительно давно уже не нападают на антилоп... но тут трудно сказать что-нибудь наверняка, потому что Африка находится ужасно далеко отсюда.

Очень симпатичного толстенького Цыплёнка запаковали в прозрачный пакет, на котором была нарисована весёлая картинка и проставлена цена — довольно высокая. Теперь это был уже не просто Цыплёнок, каких много, а Цыплёнок-для-Супа: такая, во всяком случае, надпись красовалась на прозрачном пакете рядом с ценой.

«Как хорошо! — подумал Цыплёнок-для-Супа, лежа на боку в пакете. — Раньше я жил пустой жизнью и непонятно для чего. Но отныне в жизни моей появилась цель: я знаю, для чего предназначен. Я Цыплёнок-для-Супа!» — И Цыплёнок-для-Супа тихо радовался себе в прозрачном пакете и был, вообще говоря, горд: понятное дело, не каждый ведь может похвастаться тем, что знает, какова цель его жизни!

Потом Цыплёнка-для-Супа долго везли в огромном белом фургоне, потом выгружали, потом клали на прилавок столичного магазина — и там он некоторое время лежал, гордясь ещё сильнее: не каждого ведь продают в столице! Его, разумеется, купили (как же иначе!) и принесли куда-то. А принеся, запихали в холодильник. В холодильнике он весь замёрз, потому что в холодильниках, как известно, не жарко, и даже несколько растерялся: оказывается, достигнуть своей цели в жизни дело сложное!

«Когда же из меня начнут варить суп? — постепенно свирепел он, не забывая дрожать и синеть. — Я уже сколько тут мёрзну, а супом так и не пахнет... Чертовски всё-таки долг путь к цели!»

Но это был терпеливый Цыплёнок-для-Супа — и он дождался-таки часа, когда его вынули из холодильника и положили на просторный кухонный стол.

На столе было тепло — и Цыплёнок-для-Супа сразу взмок.

Вдруг на стол вспрыгнул Котёнок. Котёнок был рыжий и счастливый.

— Привет, Цыплёнок, — воскликнул он, — красивый у тебя пакет!

— Дело в том, — издали начал Цыплёнок, но тут же и приблизился, — что я никакой не Цыплёнок.

Котёнок протёр глаза обеими передними лапами и этими протёртыми до блеска глазами принялся внимательно разглядывать надпись на пакете. Впрочем, читать он всё равно не умел — так что надпись ничего не прояснила.

— Кто ты? — с ужасом спросил тогда Котёнок.

— Я Цыплёнок-для-Супа! — помолчав минуты полторы, медленно представился Цыплёнок-для-Супа.

Котёнок снова протер глаза обеими передними лапами и, видимо, опять не поверив глазам, совсем уже ослепительно блестящим, спросил:

— А что, простите, это меняет?

(Он решил обращаться к Цыплёнку-для-Супа на «вы», раз уж тот оказался так непрост.)

— Это меняет всё, — сухо ответил Цыплёнок-для-Супа. — Решительным образом всё.

— Я не понимаю, — честно признался Котёнок.

— Объясню Вам, — опять издалека начал Цыплёнок-для-Супа, но на сей раз не приблизился, а так и остался вдалеке. — Вот если, к примеру, взять Вас... Позвольте спросить: Вы, собственно, Котёнок для чего?

— Для... — очень уверенно стартовал Котёнок, но тут же уверенность его куда-то и улетучилась, — для... не знаю.

— Вот то-то и оно! — провозгласил Цыплёнок-для-Супа. — И это довольно распространённый ответ. Наблюдая современников, я заметил, что многие вокруг меня живут пустой жизнью. Они блуждают во мгле безо всякой цели. А Вы, дорогой Котёнок, вообще-то хоть раз попытались задуматься о том, для чего Вы Котёнок?

— Нет... — даже смутился от собственной честности Котёнок.

— Плохо! — вздохнул Цыплёнок-для-Супа. — Получается, Вы Котёнок неизвестно зачем. Котёнок ни для чего.

— Ни для чего, — огорчился наконец Котёнок и утёр непрошеную слезу.

— А что Вы сделали для того, чтобы жизнь Ваша, дорогой Котёнок, обрела цель? Страдали ли Вы — например, в холодильнике?

— В холодильнике не страдал... — чуть не разрыдался Котёнок.

— Ая страдал! — с некоторой даже укоризной произнёс Цыплёнок-для-Супа. — Теперь, надеюсь, Вы и сами понимаете, чем отличается просто Цыплёнок от Цыплёнка-для-Супа. — Он взглянул на Котёнка пристальнее некуда.

Доведённый до отчаяния Котёнок кивнул круглой головой и затараторил:

— Просто Цыплёнок живёт пустой жизнью, как у меня. Просто Цыплёнок блуждает во мгле безо всякой цели. Просто Цыплёнок не задумывается о том, *для* чего он Цыплёнок. А Цыплёнок-для-Супа имеет цель жизни, и цель его жизни — суп.

— Неплохо... — начал было Цыплёнок-для-Супа, но тут его вынули из пакета и бросили в кастрюлю. При этом Цыплёнок-для-Супа вёл себя торжественно и просто: он высоко поднял правую ножку, и, расправив могучие крылья, медленно спланировал в ледяную воду.

Цель жизни была достигнута.

А Котёнок, с завистью проводив его глазами, уныло поплёлся на свою подстилку. Там он долго лежал, предаваясь грустным размышлениям о том, что он просто Котёнок, Котёнок ни для чего, и ему было ужасно стыдно, что живёт он пустой жизнью и блуждает во мгле безо всякой цели...

В эти минуты он много бы дал за то, чтобы быть не просто Котёнком, а Котёнком-для-Супа!

Чего только не бывает на крышах старых домов!.. Бывает даже, что там вырастают целые деревья, — так удивляться ли маленькому жёлтому Одуванчику, выросшему однажды на крыше? Конечно, не удивляться, как не удивляться и тому, что, выросши однажды на крыше, он немедленно принялся улыбаться на весь свет. А почему же, собственно, не улыбаться, если сверху — небо, снизу — земля, и ты — посерединке!..

— Зря он, между прочим, улыбается! — сказал Столб-с-Левой-Стороны-Дороги и добавил: — Я бы на его месте не улыбался.

— И я бы не улыбался, — поддержал приятеля Столб-с-Правой-Стороны-Дороги.

Столбы всегда поддерживают друг друга, этим и сильны.

— Я даже считаю, — сказал ещё Столб-с-Левой-Стороны-Дороги, — что в таком положении, как у него, следует опустить глаза и страшно смутиться. Я бы, между прочим, так и поступил.

— Ия, — опять поддержал его Столб-с-Правой-Стороны-Дороги. — Каждый должен представлять себе хотя бы приблизительно, где ему можно находиться, а где нет. Что же касается некоторых жёлтых цветов... — тут он очень строго посмотрел на Одуванчика, хотя, в общем-то, и без того было понятно, о ком шла речь, — так вот... что касается некоторых жёлтых цветов, то они позволяют себе произрастать... гм... мягко говоря, отнюдь не на лугах.

— Отнюдь не на лугах! — с удовольствием повторил Столб-с-Левой-Стороны-Дороги.

Они подождали ответа, как два соловья — лета, но Одуванчик и не подумал отвечать: он не понимал языка столбов — одуванчики и вообще-то языка столбов не понимают. Сомневаюсь, кстати, что столбы, со своей стороны, понимают язык одуванчиков. Но так или иначе, а Одуванчик и не думал отвечать, потому что в данный момент думал он совсем о другом: немножко о небе, которое сверху, немножко о земле, которая снизу, и немножко о себе, который посерединке.

— ...в то время как, — заключил Столб-с-Правой-Стороны-Дороги, — совершенно очевидно, что крыша жилого помещения отнюдь не место для произрастания цветов.

— Тут и говорить нечего! — от всей души согласился Столб-с-Левой-Стороны-Дороги, но говорить, тем не менее, продолжал: — Произрастать на крыше жилого помещения — это непорядок. Если каждый станет произрастать, где захочет, начнётся путаница. Произрастать следует не там, где нравится, а там, где положено.

Столбы ещё несколько дней поговорили на эту тему и, наконец, опять примолкли: не последует ли, дескать, какой-нибудь ответ? Однако никакого ответа не последовало — Одуванчик и глазом не моргнул. А зачем ему моргать, когда всё, вроде бы, хорошо: немного неба сверху, немного земли снизу — и ты посерединке... правда, уже поседевший, но что ж за беда! Все мы когда-нибудь седем...

— Нет, поразительно всё-таки глухи к разумным доводам некоторые Одуванчики! — не дождавшись ответа, опять завёл свою пластинку Столб-с-Левой-Стороны-Дороги.

— Особенно *этой* Одуванчик! — совсем уж прямо обозначил ситуацию Столб-с-Правой-Стороны-Дороги. — Ему бы прислушаться к тому, что другие говорят, и давно уже слезть на землю, занять подходящее положение — так нет же!

— Есть ещё среди нас существа не от мира сего. Хоть кол им на голове теши!

Это уж они зря: кол на голове Одуванчика тесать было нельзя — тем более теперь, когда голова его совсем облысела. Ветер трепал на ней последнюю пушинку, но вот и она полетела по воздуху... Куда занесёт её судьба, где пустит корни эта пушинка — на лугу, на крыше старого дома, на другой планете?..

Впрочем, столбам до этого дела не было: они настолько вжились в образы блюстителей порядка, что совсем уже не смотрели в сторону Одуванчика. Да и зачем? Для того чтобы осуждать кого-то, вовсе не обязательно его видеть!

— Пора бы нам с Вами, — доверительно обратился Столб-с-Правой-Стороны-Дороги к Столбу-с-Левой-Стороны-Дороги, — как-нибудь вмешаться в это безобразие. Быть не может, чтобы на Одуванчика не нашлось управы! — и Столб-с-Правой-Стороны-Дороги с надеждой огляделся вокруг.

— Управа на каждого найдётся! — заверил его Столб-с-Левой-Стороны-Дороги и тоже огляделся вокруг.

А вокруг давно уже лежал снег. Снегом засыпало и наш старый дом — только весёлая красная труба пыхтела на поверхности, потому что изнутри старый дом отапливался дровами. Но что столбам — снег!.. Столбы ведь они столбы и есть: им в любое время года одинаково, вот они смены времен года и не замечают. Однако Милиционера, перелезающего через высокий сугроб, заметили — и изо всех сил замахали своими фонарями.

— Что-нибудь случилось? — встревожился тот, подходя к столбам.

— Случилось, случилось! — в один голос крикнули столбы. — Вот этот Одуванчик вместо того, чтобы вырасти на лугу, как положено, взял и вырос на крыше старого дома! Вы должны наказать его за это!

Милиционер удивлённо огляделся по сторонам: повсюду лежал снег.

— Я не вижу ни одуванчика, ни дома — о чём вы? — спросил он у возмущённых столбов.

И возмущённые столбы только теперь взглянули туда, где когда-то рос Одуванчик. Весёлая красная труба вовсю пыхла над высоким сугробом.

— Но Одуванчик *был* здесь! — взревел Столб-с-Левой-Стороны-Дороги. — И даже если сейчас никакого Одуванчика не видно, всё равно следует наказать его — хотя бы задним числом! Пусть другим неповадно будет!

— Вынесите приговор! — потребовал Столб-с-Правой-Стороны-Дороги.

— Срок давности истёк! — почему-то очень сердито сказал Милиционер, а потом с грустной улыбкой добавил: — Некого уже наказывать.

И, отдав честь, Милиционер зашагал дальше, а столбы... Столбы так и продолжали возмущаться неслыханной дерзостью того, кого давно уже не было на свете.

— Если не можешь быть проспектом, лучше не будь вовсе! — сказал Широкий-Проспект-с-Красивым-Названием.

А Кривая Короткая Улочка и сама понимала, что быть проспектом — да ещё Широким-Проспектом-с-Красивым-Названием — сущее удовольствие! Простираешься себе на целый километр вперёд — и в ус не дуешь... И едут по тебе беспечные прохожие, и продают на тебе разные разности... да, ещё и деревья на тебе стоят по бокам — стройные и высокие. Это, конечно, совсем не то, что быть Кривой Короткой Улочкой: тут-то, конечно, никаких машин, потому как движение чуть ли не под страхом смертной казни запрещено, а уж если всё-таки заехал кто, ни за что не развернётся... так и застрянет навсегда. Прохожих тоже никаких — только жители, а жители и прохожие — совсем разные вещи. Прохожие — они ходят, и ходят, и ходят... а жители — только живут, да и всё. Значит, если живут на Кривой Короткой Улочке, то и ходят по ней. А если не живут, то и не ходят: их тогда на Кривую Короткую Улочку и калачом не заманишь. Что касается деревьев... деревьев-то много, да бестолковые какие-то все: растут где попало и как попало. В основном, в маленьких садиках возле домов — и из садиков на улицу их не пускают.

Словом, это сплошное несчастье — быть Короткой Кривой Улочкой. Только что ж теперь делать!..

Между прочим, те, кто жил на этой улочке, даже стеснялись свой адрес знакомым дать: не очень-то оно приятно — признаваться, что живёшь на Кривой Короткой

Улочке. Другое дело — на Широком-Проспекте-с-Красивым-Названием... да ещё в доме, который издалека видно. Тут уж можно громко произносить свой адрес — и лениво так добавлять: знаете такой двадцатипятиэтажный дом в самой середине... там ещё Национальный Банк внизу находится? Вот это адрес так адрес! А с Кривой Короткой Улочкой замучаешься объяснять: это, дескать, такая маленькая улочка в Северо-Восточном округе, добираться на двух автобусах с пересадкой на третий... где-то между большими улицами, которые ведут на проспект... а дом — дом на самом краю находится, на левой стороне, приблизительно метрах в ста от начала улочки... какой улочки? — Да Кривой Короткой Улочкой, какой же ещё...

Одна радость: на Кривую Короткую Улочку внимания вообще не обращали. Жило на ней множество весёлых незаметных людей, и не было тут ни магазинов, ни тем более учреждений, ни даже киоска или ларька какого-нибудь — только маленькие домики да маленькие садики. А больше — совсем ничего... стало быть, и говорить не о чем.

Вот и не говорили никогда. Многие вообще не знали, что есть в городе такая Кривая Короткая Улочка, — и, если случайного прохожего, например, останавливали вопросом вроде: «Скажите, пожалуйста, нет ли здесь в городе Кривой Короткой Улочкой?» — случайный прохожий убеждённо отвечал:

— Нет, нет и нет! Никакой Кривой Короткой Улочкой в городе никогда не наблюдалось и сейчас не наблюдается.

Так вот отвечал случайный прохожий.

И шли дни. Недели. Месяцы. Годы. Десятилетия. Века.

И настало будущее.

Сразу предупреджу: о будущем я не слишком много знаю. Только одно практически и знаю: что оно будет. Впрочем, этого достаточно: если *это* знаешь, то можешь, стало быть, вполне сносно рассказать о будущем.

Когда настало будущее, оно сразу начало разбираться с прошлым. А разобравшись, обнаружило, что прошлого и нет никакого. На месте Широкого-Проспекта-с-Красивым-Названием давно находилась Огромная-Площадь-со-Скучным-Названием, да и весь город с незапамятных времен был уже полностью переключен: новые дома сменились ещё более новыми, деревья выросли, зачахли, и из их побегов выросли другие — такие же стройные и высокие. А прохожих и вовсе не стало: они превратились в проезжих и проезжали на такой скорости, что их практически не замечали.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru